

Г. В. Синоло

Жанр притчи и его модификации в Библии

Притча (иврит. *машаль* – «пример», «образец», «притча») является в еврейской и христианской культурах одним из ведущих жанров религиозно-философской литературы, прежде всего важнейшей структурной единицей или жанровым признаком многих книг Библии. Так, большую часть раздела *Кетувим* (Писания) составляет так называемая литература премудрости, связанная с притчевой традицией и стремлением философски осмыслить мир, поставить сложные, подчас неразрешимые проблемы человеческого бытия. В первую очередь, это такие книги в библейском каноне, как *Сэфер Мишле*, или *Мишлей* (Книга Притчей Соломоновых), Книга Ийова (Иова) и *Сэфер Коѓэлет* (Книга Экклесиаста), а также маленькие повести-притчи – Книга Рут (Руфь), Книга Эстер (Есфирь). К последним относится по своим жанровым характеристикам и маленькая, но емкая притча о пророке Ионе – Книга Ионы, вошедшая в раздел *Невшим* (Пророки). Именно эти книги несут квинтэссенцию библейской мудрости, и поныне притягивают к себе сложностью и актуальностью поставленных проблем и невозможностью их однозначной интерпретации. Не менее знамениты и евангельские притчи, в которых на примере наглядных образов и житейских ситуаций раскрывается мудрость учения Иисуса Христа.

Корни же жанра притчи уходят в еще более древнюю почву – в египетскую, шумерскую, аккадскую, ханааней-

ско-финикийскую культуры, в афористическую и дидактическую литературу, излюбленную на Древнем Ближнем Востоке. Не случайно слово מַשָּׁל <машаль>, традиционно переводимое на русский язык как «притча», первоначально обозначало любое высказывание, для создания и восприятия которого требовалось умственное напряжение, в котором отражалась тонкая интеллектуальная и словесная игра, в котором сгущался, концентрировался духовный, нравственный опыт, передаваемый от поколения к поколению. В самой этимологии древнееврейского слова *машаль* есть указание, что притча всегда содержит в себе образец поведения, выбора в той или иной сложной ситуации, парадигму позитивного или негативного опыта, что она всегда несет в себе обобщение, иносказание, символические подтексты. Точно так же и греческое слово *parabolon* (парабола), которым в Септуагинте было передано слово *машаль* (в частности в Книге Экклесиаста; см. *Еккл 12:9*), означает «находящийся рядом», «соположенный», т. е. в конечном счете то, что имеет по меньшей мере два смысла – прямой и иносказательный. Тот же смысл имеет и греческое название Книги Притчей Соломоновых – *Paroimiai*. Сходное значение несет в себе и славянское слово *притча*, происходящее от глагола *ткать*, – «то, соткано [сплетено] с другим». Таким образом, притча – всегда иносказание, через которое дается то или иное поучение, передается мудрость и жизненный опыт, ставятся сложные религиозно-философские или нравственные проблемы.

Притча в библейском каноне представлена несколькими разновидностями. Во-первых, в ее древнейшем и первоначальном значении – как афоризм, нравственная и философская сентенция, могущая переходить в более или менее развернутое поучение. При этом в поучении могут использоваться аллегорические образы, метафоры и символы. В таком виде притча ярче всего представлена в Книге Притчей Соломоновых, в таком виде ее используют и библейские пророки для разъяснения своей этической программы, в таком виде она фигурирует в Нагорной проповеди.

Во-вторых, притча может представлять собой образное уподобление ситуации или конкретный житейский эпизод для передачи обобщающего религиозно-этического опыта. Притчу в таком виде также широко использовали пророки в своей проповеди перед народом, равно как и Иисус Христос в евангельской проповеди.

В-третьих, притча предстает как небольшой сюжетный рассказ, в котором конкретный событийный ряд служит для иллюстрации какого-либо нравственного или философского тезиса или для постановки сложнейших, требующих спора и размышления проблем бытия. Притча в последней разновидности всегда представляет собой иносказание, всегда имеет несколько уровней прочтения (предельно многозначная притча получила впоследствии название «парабола», или «символическая притча»). Таким образом, в третьей разновидности притча может быть представлена в двух вариациях: как назидательная повесть-притча, обычно в прозаической форме (Книга Ионы, Книга Рут, Книга Эстер), и как сложное философское произведение, дающее возможность неоднозначных трактовок и закономерно тяготеющее к жанру религиозно-философской поэмы (в таком виде притчевую традицию представляют Книга Иова и Книга Экклесиаста).

Таким образом, притча в древнейшем ее значении представлена прежде всего и полнее всего в *Сэфер Мишлей* – Книге Притчей Соломоновых, которая является древнееврейским сборником афоризмов, антологией изречений житейской мудрости. Этот жанр изначально был излюбленным на всем Древнем Ближнем Востоке, и поэтому типологически близкими древнееврейской афористике оказываются египетские поучения (например, «Поучение Птаххотепа» или более позднее «Поучение Аменемопе», в котором есть почти дословные структурные переключки с Книгой Притчей Соломоновых, как, например: «Дай уши твои, внимай словам, сказанным мной, обрати сердце свое к пониманию их»).

Хотя сборник и представляет собой собрание отдельных афоризмов и поучений, он образует единое целое, ко-

торое придали ему гениальные редакторы (или редактор). Все притчи связаны интонацией отеческой любви к сыну, страстного стремления видеть сына достойным Божественной любви, праведным и мудрым, идущим путем истины. Отсюда это настоятельное обращение, варьирующееся в каждой главе книги: «Слушай, сын мой, наставление отца твоего, и не отвергай завета матери твоей, потому что это – прекрасный венок для головы твоей и украшение для шеи твоей» (*Прит 1:8–9*; *здесь и далее Синод. перевод*). Особенно часто этим призывом к сыну, побуждением к познанию мудрости открываются главы: «Сын мой! наставления моего не забывай, и заповеди мои да хранит сердце твое... // Милость и истина да не оставляют тебя; обвяжи ими шею твою, напиши их на скрижали сердца твоего...» (*Прит 3:1, 3*); «Сын мой! внимай мудрости моей, и приклони ухо твое к разуму моему» (*Прит 5:1*) и т. п.

Таким образом, все притчи связаны страстным жаром родительского сердца, родительского завета. Кроме того, они соединены единой поэтической, стихотворной формой, изобилующей прямыми и обратными параллелизмами, образными и синтаксическими. Например:

Премудрость возглашает на улице,
на площадях возвышает голос свой,
В главных местах собраний проповедует,
при входах в городские ворота говорит речь свою:
«Доколе, невежды, будете любить невежество?
доколе буйные будут услаждаться буйством?
доколе глупцы будут ненавидеть знание?
Обратитесь к моему обличению:
вот, я изолью на вас дух мой,
возвещу вам слова мои.
Я звала, и вы не послушались
простирала руку мою, и не было внимающего;
и вы отвергли все мои советы,
и обличений моих не приняли...»

(Прит 1:20–25)

Этот образ самой Премудрости (иврит. *Хохма*), то скорбящей по поводу людского невежества и падения нравов, то неистово славящей разум, истину, вызывающей к благоразумию, также скрепляет разрозненные поучения и афоризмы в единое целое:

Не Премудрость ли зовет?
и не разум ли возвышает голос свой?
Она становится на возвышенных местах,
при дороге, на распутиях;
Она зовет у ворот при входе в город,
при входе в двери:
«К вам, люди, зовую я,
и к сынам человеческим голос мой!»

(Прит 8:1–4)

Премудрость даже строит себе дом и готовит в нем трапезу, приглашая людей на пир разума:

Премудрость построила себе дом,
вытесала семь столбов его,
Заколола жертву, растворила вино свое
и приготовила у себя трапезу;
Послала слуг своих
провозгласить с возвышенностей городских:
«Кто неразумен, обратись сюда!»
И скудоумному она сказала:
«Идите, ешьте хлеб мой,
и пейте вино, мною растворенное;
Оставьте неразумие, и живите,
и ходите путем разума».

(Прит 9:1–6)

Премудрость понимается как основа основ жизни, как ее первоначало, как то, что было создано Богом раньше всех Его творений и послужило главным инструментом в Божьих руках при сотворении мира. Точнее, о Премудрости сказано как о великой художнице при Боге, как о великой радости при Нем и одновременно радости для сынов человеческих:

Господь имел меня началом пути Своего,
прежде созданий Своих, искони:
От века я помазана, от начала,
прежде бытия земли.
Я родилась, когда еще не существовали бездны,
когда еще не было источников, обильных водою.
Я родилась прежде, нежели водружены были горы,
прежде холмов,
Когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей,
ни начальных пылинок вселенной.
Когда Он уготовлял небеса, я была там.
Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны,
Когда утверждал вверху облака,
когда укреплял источники бездны,
Когда давал морю устав,
чтобы воды не преступали пределов его,
когда полагал основания земли:
Тогда я была при Нем художницею,
и была радостью всякий день,
веселясь пред лицом Его во все время,
Веселясь на земном кругу Его,
и радость моя была с сынами человеческими.

(Прит 8:22–23)

Уже здесь начинает кристаллизоваться мистическое учение о Премудрости как «олицетворенной мудрости Божества» (С. С. Аверинцев¹) и как своего рода Душе мироздания, в единении с которой постигаются сакральные тайны. Оно будет продолжено во второканонических Книге Премудрости Соломона, Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, а затем в иудейском мистическом (каббалистическом) учении о Шехине как Вечной Женственности, как гипостазированном образе женской, любящей, сострадательной составляющей Единого Бога, а также в христианском учении о Софии – Премудрости Божией. Сравнивая образ Афины, греческой богини мудрости, с образом Пре-

¹ Аверинцев, С. С. *София* / С. С. Аверинцев // *София – Логос: Словарь* / С. С. Аверинцев. Киев: Дух и Литера, 2000. С. 159.

мудрости в Книге Притчей Соломоновых и указанных второканонических книгах, С. С. Аверинцев отмечает: «Сама Афина имеет много общего с последующей Софией; и все же если мифологема греческой Афины... есть олицетворение мудрости, то мудрость в греческой мифологии не есть лицо. Иначе в ветхозаветной традиции, где понятие Премудрости – в силу самой специфики иудаистической мифологии – приобретает личностный облик: Самораскрытие Бога в мире должно было принимать характер “лица” (или “как бы лица”) – как второго и подчиненного “Я” Бога»¹. Исследователь отмечает, что Премудрость «выступает как девственное порождение верховного Отца, до тождества к Нему близкая: “Она есть дыхание силы Божией и чистое изливание славы Вседержителя” (*Прем Сол 7:25 след.*), вышедшее “из уст Всевышнего” (*Сир 24:3*). <...> Премудрость в своем отношении к Богу есть Его демиургическая, мироустроющая воля. Она описывается (*Прит 8:27–31*) как “художница”, по законам божественного ремесла строящая мир... <...> ...по отношению к миру это – строительница, созидающая мир, как плотник или зодчий складывает дом как образ обжитого и упорядоченного мира, огражденного стенами от безбрежных пространств хаоса; дом – один из главных символов библейской Премудрости (*Прит 9:1* и др.)»².

В Книге Притчей Премудрость понимается также как умение жить в соответствии с заповедями Божьими, в поисках правды и истины: «Я хожу по пути правды, по стезям правосудия...» (*Прит 8:20*). Мудрость провозглашается единственной истинной ценностью, которой стоит дорожить человеку и которая противостоит ценностям материальным – внешним и эфемерным:

Блажен человек, который снискал мудрость,
и человек, который приобрел разум!

Потому что приобретение ее лучше приобретения серебра,

¹ Там же.

² Аверинцев, С. С. *София*. С. 159–160.

и прибыли от нее больше, нежели от золота.
Она дороже драгоценных камней,
и ничто из желаемого тобою не сравнится с нею.

(Прит 3:13–15)

Олицетворением же мудрости в древнееврейской традиции давно стал царь Соломон: его мудрость вошла в поговорку. Быть может, именно поэтому религиозная традиция, и уже в древности, связала происхождение Книги Притчей с Соломоном. Это подтверждает сообщение 1-я Книга Царей (3-я Книга Царств; см. *3 Цар 4:32*), а также Иисус, сын Сирахов, который, обращаясь к Соломону, говорит: «Как мудр был ты в юности твоей и, подобно реке, полон разума! // Душа твоя покрыла землю, и ты наполнил ее загадочными притчами; // имя твое пронеслось до отдаленных островов, и ты был любим за мир твой; // за песни и изречения, за притчи и изъяснения тебе удивлялись страны» (*Сир 47:16–19*). Во второканонической Книге Премудрости Соломона от имени самого Соломона говорится: «...я молился, и дарован мне разум; я взывал, и сошел на меня дух Премудрости. // ...Я полюбил ее более здоровья и красоты и избрал ее предпочтительно перед светом, ибо свет ее неугасим. // ...Я полюбил ее и взыскал от юности моей, и пожелал взять в невесту себе, и стал любителем красоты ее» (*Прит 7:7, 10; 8:2*).

Однако, как показывают текстологические исследования, Книга Притчей Соломоновых возникла в результате контаминации различных сборников – более раннего происхождения (многие афоризмы действительно восходят к временам Соломона) и более поздних. В наиболее древнем цикле преобладает форма поэтического афоризма в виде сжатого двустипшия, построенного по принципу семантического и синтаксического параллелизма:

Начало мудрости – страх Господень;
глупцы только презируют мудрость и наставление.
(Прит 1:7)

Отборное серебро – язык праведного,

Сердце же нечестивых – ничтожество.
(Прит 10:20)

Уста правдивые вечно пребывают,
А лживый язык – только на мгновение.
(Прит 12:19)

Свет праведных весело горит;
светильник же нечестивых угасает.
(Прит 13:9)

Кроткое сердце – жизнь для тела,
а зависть – гниль для костей.
(Прит 14:30)

Праведность возвышает народ,
а беззаконие – бесчестие народов.
(Прит 14:34)

Многие из таких двустихных афоризмов, возможно, представляют собой народные пословицы и поговорки (вспомним, что и древнейшие шумерские пословицы и поговорки имели форму двустихия):

Что уксус для зубов и дым для глаз,
То ленивый для посылающих его.
(Прит 10:26)

Лучше немного при страхе Господнем,
нежели большое сокровище, и при нем тревога.
(Прит 15:16)

Лучше блюдо зелени, и при нем любовь,
нежели откормленный бык, и при нем ненависть.
(Прит 15:17)

Лучше кусок сухого хлеба, и с ним мир,
нежели дом, полный заколотого скота, с раздором.
(Прит 17:1)

Слава юношей – сила их,
а украшение стариков – седина.
(Прит 20:29)

Коня готовят на день битвы,
но победа – от Господа.

(Прит 21:31)

Подобных примеров двустихных афоризмов в книге содержится большое количество. В более поздних, дополнительных циклах афоризм часто разрастается до пространного поучения гомилетического (проповеднического) характера, использующего притчу в виде образного уподобления целой ситуации. Таково, например, поучение, занимающее главу седьмую и предостерегающее от соблазна разврата. Оно представляет собой конкретную историю, увиденную глазами неведомого повествователя: «Вот, однажды смотрел я в окно дома моего, сквозь решетку мою, И увидел среди неопытных, заметил между молодыми людьми неразумного юношу, // Переходившего площадь близ угла ее и шедшего по дороге к дому ее, // В сумерки, в вечер дня, в ночной темноте и во мраке. // И вот – навстречу к нему женщина, в наряде блудницы, с коварным сердцем, шумливая и необузданная, ноги ее не живут в доме ее...» (*Прит 7:6–11*). И далее разворачивается сцена соблазнения: «Множеством ласковых слов она увлекла его, мягкостью уст своих овладела им. // Тотчас он пошел за нею, как вол идет на убой, и как олень на выстрел, // Доколе стрела не пронзит печени его; как птичка кидается в силки, и не знает, что они – на погибель ее» (*Прит 7:21–23*). А затем следует резюме: «Итак, дети, слушайте меня, и внимайте словам уст моих. // Да не уклоняется сердце твое на пути ее, не блуждай по стезям ее; потому что многих повергла она ранеными, и много сильных убиты ею: // Дом ее – пути в преисподнюю, нисходящие во внутренние жилища смерти» (*Прит 7:24–27*).

Многие развернутые поучения используют аллегорические образы и напоминают басню с привычными нам басенными персонажами: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. // Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; // Но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою. // Доколе ты, ленивец, будешь спать? когда ты вста-

нешь от сна твоего? // Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник» (*Прит 6:6–11*).

Этот фрагмент, напоминающий нам столь знакомый сюжет с муравьем и стрекозой, еще раз подчеркивает одну из определяющих идей всей Книги Притчей: это прославление воли человека, собранности его духа, бодрствования его разума, непрерывного, ежедневного, ежечасного труда души: «Не давай сна глазам твоим и дремания веждам твоим...» (*Прит 6:4*). Та же мысль иллюстрируется с помощью конкретных и одновременно аллегорических образов поля и виноградника, запустение которых символизирует скудоумие разума и запустение души человеческой: «Проходил я мимо поля человека ленивого и мимо виноградника человека скудоумного, // И вот, все это заросло терном, поверхность его покрылась крапивою, а каменная ограда его обрушилась. // И посмотрел я, и обратил сердце мое, и посмотрел, и получил урок: // “Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь; // И придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя – как человек вооруженный”» (*Прит 24:30–34*)¹.

Великая традиция Книги Притчей Соломоновых в рамках Танаха (Ветхого Завета) продолжена прежде всего в Книге Экклесиаста, самой цитируемой библейской книги, целиком разобранной на афоризмы. Целые фрагменты в Книге Экклесиаста можно квалифицировать как собрания афоризмов (например, *Еккл 7:1–12; Еккл 10:1–20*). Кроме того, здесь, как и в Книге Притчей, представлена образным уподоблением ситуации или предельно краткой историей, иллюстрирующей тот или иной моральный или философский тезис с резюмирующим афоризмом в финале. Таковы, например, фрагменты *Еккл 4:9–12; 9:13–18*.

¹ О жанровой природе Книги Экклесиаста и роли в ней различных видов притчи см. подробнее: Синило, Г. В. *Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре: в 2 ч. Ч. 1. Предтечи, поэтика, религиозные интерпретации* / Г. В. Синило. Минск: БГУ, 2012. С. 85–105.

Далее в русле древнееврейской литературы традиция Книги Притчей Соломоновых и прежде всего притчи как афоризма и образного уподобления ситуации продолжена Книгой Премудрости Йеѓошуа Бен-Сире (Иисуса, сына Сирахова), не включенной в иудейский канон в результате утраты оригинала на иврите, но вошедшей на правах второканонической в Христианскую Библию, а также в талмудической афористике (трактат *Пирке Авот* – «Поучения Отцов») и афористических произведениях еврейских поэтов и мыслителей Средневековья (Шемуэля га-Нагида, создавшего целый сборник афоризмов и поучений под названием *Бен Мишлей* – «Сын Книги Притчей», или «Молодая Книга Притчей», Шеломо Ибн Гвириоля, Моше Ибн Эзры, Йеѓуды га-Леви, Авраама Ибн Эзры и др.).

Книга Притчей Соломоновых существенно повлияла на стиль и афористическую природу евангельских притч и афоризмов (особенно в Нагорной проповеди), новозаветных Посланий, а также далее на писания Отцов Христианской Церкви и на светскую европейскую афористику – вплоть до «Опытов» М. Монтеня, «Мыслей» Б. Паскаля, «Максим» Ф. де Ларошфуко, «Характеров» Ж. Лабрюйера и т. д.

Притчу в самых разнообразных ее видах широко использовали «письменные» пророки, авторы пророческих книг, поражающих разнообразием жанровых и стилевых регистров – от ораторских интонаций народного трибуна до проникновеннейших лирических интермеццо, от торжественных гимнов до скорбных плачей. Это связано с уникальным жанровым синтетизмом пророческой книги – своеобразной поэмы-проповеди, в которой органично сочетаются элементы лирические и эпические, повествовательные (элементы хроники, автобиографии). Очень часто пророки обращаются именно к притче – и в виде поэтического афоризма, философской сентенции, и в виде образного уподобления целой ситуации, и в виде короткого сюжетного рассказа, содержащего иносказание. В последнем случае часто используются аллегорические образы, как в песне-притче о винограднике, посаженном Возлюбленным Дру-

гом, которую пропел в Иерусалимском храме пророк Исаия:

Был у Друга моего виноградник
на плодородном холме.
И окопал Он его, и очистил от камней,
и засадил лозою отборной,
и выстроил башню посреди него,
и давилню для винограда высек в нем.
И надеялся Он получить виноград,
а тот дал плоды дикие.

(Ис 5:1–2; здесь и далее перевод наш. – Г. С.)

Слушателям, которые хорошо знали, каких трудов стоит возделывание виноградной лозы, понятны были горькие намеки пророка: виноградник, возделанный Возлюбленным Другом, т. е. Самим Богом, – избранный народ, на который Господь возлагал такие надежды, а они не во всем оправдались. И далее следовало грозное предостережение от лица Друга:

А теперь возвещу Я вам,
что сделаю Я с виноградником Моим:
разрушу ограду его – и будет он на потраву,
опрокину стену его – и будет он вытопан.
И сделаю его пустошью,
не буду ни обрезать, ни окапывать его,
и зарастет он волчками и тернием,
и облакам повелю Я не проливать на него дождя.

(Ис 5:5–6)

А затем голос Господа сменялся голосом самого пророка, дававшего краткое истолкование притчи:

Ибо виноградник Господа Цваота –
это дом Израилев,
и мужи Иудеи –
насаждения радости Его;
И ждал Он правосудия, и вот – насилие,
и ждал Он праведности, и вот – вопль.

(Ис 5:7)

В двух последних строках пророк использует трудно-переводимую игру слов: *мишпат* – «суд», «правосудие», *мишпа* – «насилие»; *цедака* – «праведность», *цеака* – «вопиющая неправда» («воплъ»).

Подобного рода аллегорические притчи будут затем использоваться в евангельских текстах: продолжая традицию пророков, притчами будет говорить с народом Иисус, вслед за Исаией используя символику виноградной лозы: «Я есмь истинная виноградная Лоза, а отец Мой – Виноградарь...» (*Иоан 15:1; здесь и далее Синод. перевод*).

На основе притч гомилетического характера, а также, возможно, и вполне самостоятельно развивается жанр развернутой притчи-рассказа (новеллы или повести), опирающейся иногда на подлинный исторический материал, иногда – на историко-легендарный, иногда представляющей чистейший вымысел, но так или иначе преследующей одну цель – через конкретный сюжет подвести слушателя или читателя к более обобщенным смыслам, к определенному моральному выводу, проиллюстрировать тот или иной религиозно-философский и (или) этический тезис. Можно сказать, что притча в последнем ее варианте (рассказ-притча, повесть-притча) никогда не тождественна своей фабуле: событийный ряд выступает как обобщающая парадигма духовно-нравственного опыта, а герой (герои) всегда поставлены в ситуацию морального выбора. Иногда такая притча служит для постановки неразрешимых, антиномичных проблем бытия и сознания и не столько отвечает на вопросы, сколько подводит читателя к ним, заставляет иначе взглянуть на мир, содержит множество смыслов. Такой символической притчей, поднимающей труднейшую, болезненную для религиозного сознания и в сущности неразрешимую проблему теодицеи – проблему оправданности Бога и сотворенного Им мира перед лицом самого

страшного зла – страданий праведных и невинных, является Книги Иова¹.

Древнейшие притчи-параболы (это определение употребляется в современном литературоведении по отношению к символической притче, имеющей целый ряд значений и по сути неисчерпаемой) обнаруживаются в Книге Бытия – например, знаменитые притчи о грехопадении, о Каине и Авеле, о всемирном потопе, о Хаме, о Вавилонском столпотворении и др. В сущности, жизнеописание каждого из патриархов в Книге Бытия является притчей, но в то же время и отдельные эпизоды их жизни могут быть квалифицированы как притчи с многомерным смыслом (например, «Жертвоприношение Авраама» в *Быт 22*, «Сон Иакова» («Лестница Иакова») в *Быт 28* или «Борьба Иакова с ангелом» в *Быт 32*). Прекрасную развернутую притчу, являющуюся парадигмой человеческой судьбы и несущую в себе глубочайшие духовные смыслы, представляет история Иосифа (*Быт 37–50*), не раз привлекавшая к себе внимание мыслителей и писателей – от неизвестного автора «Душеполезной повести о хлебодарстве Иосифа Всепрекрасного и об Асенеф, и о том, как Бог сочетал их» (иудейский апокриф II–I вв. до н. э., написанный на греческом языке) до романа-притчи, романа-мифа великого немецкого писателя XX в. Т. Манна «Иосиф и его братья» (1933–1942).

Однако при всей законченности названных выше притч их самостоятельность относительна, ведь они включены в более обширное смысловое целое, в единое повествование Книги Бытия и – шире – всей Библии. Вообще можно сказать, что самостоятельность каждой отдельной

¹ См. подробнее: Синило, Г. В. *Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета)* / Г. В. Синило. М.: Флинта; МПСИ, 2008. С. 614–634;

Синило, Г. В. *Роковые вопросы Иова: проблема теодицеи в Книге Иова* / Г. В. Синило // *Диалог: лит. альманах (Россия – Израиль)*. Вып. 7–8: в 2 т. М., 2005–2006. С. 185–214;

Щедровицкий, Д. В. *Пророчества Книги Даниила: 597 год до н. э. – 2240 г. н. э.* / Д. В. Щедровицкий. М.: Теревинф, 2003.

книги в Библии относительна, что пытаться понять ее можно только в контексте целого, в общем семантическом поле библейских смыслов, а также постбиблейских толкований (подобный подход одинаково важен как для иудейской, так и для христианской традиции, с той лишь разницей, что полнота Писания для первой исчерпывается Танахом – Ветхим Заветом, остающимся вечно новым). Но именно в третьей части иудейского Писания – *Кетувим* (Писания [Духом Святым], или Агиографы) – находятся книги, которые представляют собой самостоятельные притчи: уже упомянутая Книга Иова, а также повести-притчи Книга Рут и Книга Эстер, имеющие помимо прочего важное литургическое значение в иудейской традиции. Впрочем, и это литургическое значение заключается в заповеди их совместного чтения и толкования, раскрытия новых и новых смыслов, связи этих смыслов с сегодняшним днем (Книга Рут читается в праздник дарования Торы – *Шавуот*, а Книга Эстер – в *Пурим*). Точно так же в праздник *Йом-Киптур* (День Очищения, День Покаяния, Судный День) читается и толкуется Книга Пророка Ионы, являющаяся примером параболической повести-притчи, хотя находится она в составе «Пророков». Ряд самостоятельных новелл-притч, уже испытавших влияние устной аггадической традиции (*аггада* – «сказание», «легенда»), обнаруживается в первых шести главах *Сэфер Даниэль* – Книги Даниэля, или Книги Пророка Даниила, также входящей в состав Агиографов. За пределами иудейского канона, в списке девтероканонических книг, жанр повести-притчи представлен Книгой Иудифь и Книгой Товита.

Жанр притчи – во всем диапазоне ее значений – ярко репрезентирован в Новом Завете, и прежде всего в Евангелиях. С. С. Аверинцев подчеркивает, что субстратом для Евангелий «послужила изузстная традиция вытверженных на память афоризмов и рассказов. В Палестине тех времен было принято заучивать и передавать из уст в уста изречения знаменитых рабби и рассказы о них, донесенные до письменной фиксации (в Талмуде) порой через много столетий; память ближневосточного человека тех времен была

тренированной. С этим согласуется тот факт, что афоризмы Иисуса в Евангелиях от Матфея и от Луки нанизаны в соответствии с объединяющим их ключевым словом, но порядок их бывает различным в зависимости от ключевого слова: сказывается мнемотехника устной традиции¹.

На становление жанра евангелия большое влияние оказали жанры, представленные в Ветхом Завете и продолжавшие развиваться в еврейской словесности в эпоху Поздней Античности. По мнению С. С. Аверинцева, «литературная форма Евангелий непонятна в отрыве от традиций древнееврейской учительной прозы»². Речь идет о «литературе премудрости», представленной в третьей части Танаха – в *Кетувим* (Писаниях) – и связанной прежде всего с жанром притчи во всех ее разновидностях – от афоризма, сентенции житейской мудрости, от образного уподобления ситуации (образной иллюстрации морального тезиса) до более или менее развернутого рассказа, через конкретные или аллегорические образы которого просвечивает иносказание, тот или иной религиозно-философский или моральный тезис (вопрос). «Весь этот тип прозы, – пишет С. С. Аверинцев, – имеет свои законы, отличные от законов обычной “художественной прозы” греко-римского или новоевропейского типа. Его поэтика исключает “пластичность”; природа или вещи упоминаются лишь по ходу сюжета и никогда не становятся объектами самоцельного описания; предметная обстановка сведена к нулю, действие происходит как бы без декораций, “в сукнах”. Действующие в этой прозе люди, как правило, не имеют не только внешних черт, но и “характера” в античном смысле этого слова, т. е. замкнутого набора душевных свойств; они предстают перед нами не как объекты художественного наблюдения, но как субъекты морального выбора. В центре стоит некоторая проблема человеческого поведения, кото-

¹ Аверинцев, С. С. *Истоки и развитие раннехристианской литературы* / С. С. Аверинцев // *История всемирной литературы: в 9 т.* М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 507.

² Там же. С. 507.

рую необходимо решить; эта установка на подыскание ответа к заданной задаче – в соединении с восточной живостью интонаций – приводит к тому, что притчи часто перебиваются обращенными к слушателю вопросами: “Как же, по-твоему, поступит (или должен поступить) такой-то?” В целом проза этого типа подчинена назидательности; ее художественные возможности лежат не в полноте изображения, а в силе экспрессии, не в стройности форм, а в проникновенности интонаций¹.

Исследователь отмечает, что притчи, которыми насыщены Евангелия, типологически родственны тем, которые создаются в иудейской культуре в это же время и позднее фиксируются в Талмуде, точнее – в Аггаде. Такова, например, знаменитая притча о фарисее и мытаре (сборщике налогов в государственную римскую казну; занятие осуждалось в Иудее) в Евангелии от Луки: «Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. // Фарисей став молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: // Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. // Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лук 18:10–13). Далее Иисус поясняет смысл притчи в резюмирующем афоризме: «...всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лук 18:14). Подобную структуру имеют многие талмудические притчи, как, например, следующая: «Случилось, что рабби Элезар, сын рабби Шимона... ехал на осле вдоль берега реки и радовался великой радостью, и душа его наполнялась гордостью, что он так много выучил из Торы. И встретился ему человек, и был он безобразен, и сказал ему: “Мир тебе, рабби!” А тот сказал ему: “Глупец, до чего же ты безобразен! Верно, все в твоём городе такие же безобразные?” А тот сказал ему: “Не знаю, а ты лучше пойд

¹ Аверинцев, С. С. *Истоки и развитие раннехристианской литературы*. С. 507–508.

и скажи Мастеру, сотворившему меня: как безобразно Твое изделие!» И тогда рабби понял, что согрешил... Да будет человек смиренен, как тростник, и да не будет он неприветлив, как кедр» (*Таанит 20; перевод С. Аверинцева*)¹. Очевидно, что обе притчи не только структурно и стилистически близки, но имеют и сходный этический смысл: обе предостерегают от греха гордыни и утверждают скромность и смирение как качества, угодные Богу.

Формой назидания, свойственной именно древней иудейской традиции, являются так называемые макаризмы – заповеди блаженства: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. // Блаженны плачущие, ибо они утешатся. // Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» и т. д. (*Матф 5:2–5 и далее*). Подобные обещания блаженства типичны и для Ветхого Завета: например, в Книге Псалмов, или Псалтири: «Блажен, кто совета с лукавыми не устроял...» (*Пс 1:1; перевод С. Аверинцева; ср. Синодальный перевод: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых...»*); «Блажен, кому помощник Бог Иаковлев...» (*Пс 146/145:5*) и т. п.; или в Книге Притчей Соломоновых: «Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум!» (*Прит 3:13*) и др. В равной степени типичны для стиля как Танаха, так и Евангелий противостоящие макаризмам инвективы, начинающиеся словом «горе» и выражением «горе вам»: «Горе тем, которые постановляют несправедливые законы...» (*Ис 10:1*); «Горе венку гордости пьяных Ефремлян...» (*Ис 28:1*); «Горе Ариилу, Ариилу, городу, в котором жил Давид!» (*Ис 29:1*); «Горе непокорным сынам...» (*Ис 30:1*) «Горе тебе, опустошитель...» (*Ис 33:1*); «Горе нам! день уже склоняется...» (*Иер 6:4*); «Горе желающим дня Господня!» (*Ам 5:18*); «Горе беспечным на Сионе...» (*Ам 6:1*) и т. п.; «Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» (*Лук 6:24–25*) и т. п.

¹ Там же. С. 508.

Как отмечает С. С. Аверинцев, особое значение для возникновения жанра Евангелия имела также такая форма иудейской моралистической литературы, как *ма'асе* – рассказ о деянии праведника, о том или ином благочестивом поступке законоучителя, об эпизоде из жизни мудреца, с которым связано то или иное крылатое выражение, то или иное мудрое изречение. Такого рода *ма'асе* можно обнаружить в самых древних слоях текста Танаха: например, эпизод *Акедат Йицхак* («Связывание Исаака»), или «Жертвоприношение Авраама» (*Быт 22*), демонстрирующий поведение праведника в исключительной ситуации и поясняющий возникновение выражений «Господь усмотрит» и «На горе Господней усмотрится». Особые *ма'асе* связаны с действиями пророков, исцеляющих больных или совершающих иные чудеса: например, в жизнеописании пророка Элиягу (Илии) или пророка Элиши (Елисея). Особенно много подобных рассказов о героях веры, о поступках мудрецов передавалось изустно в конце эпохи Второго Храма и в первые века новой эры. «Каждый отдельный евангельский эпизод, взятый в изоляции от целого, может быть квалифицирован как своего рода *ма'асе*; из таких ячеек, образованных по типу древней еврейской дидактики, построено евангельское повествование»¹.

Жанр притчи оказал огромное воздействие на последующую религиозно-философскую, литературную и – шире – культурную традицию, особенно иудейскую и христианскую. Так, огромна роль притчи в Талмуде и Мидрашах, в творчестве средневековых еврейских писателей. Притча стала жанром первостепенной важности в духовном творчестве хасидизма; не случайно хасидские притчи привлекли к себе внимание одного из крупнейших мыслителей XX в., иудейского экзистенциалиста и основоположника философского диалогизма М. Бубера, определив манеру не только его философского, но и художественного творчества. На традиции притчи, и именно в библейском, талмудическом и хасидском ее вариантах, базируется творчество

¹ Там же.

крупнейшего ивритоязычного (израильского) писателя XX в., лауреата Нобелевской премии Ш. Й. Агнона. В равной степени традиция притчи оказала огромное влияние на писания Отцов Христианской Церкви, а также на европейскую литературу, и прежде всего на те ее произведения, которые опираются на библейские сюжеты (так, например, характер развернутой философской притчи имеют эпическая поэма Дж. Милтона «Потерянный Рай», мистерия Дж. Г. Байрона «Каин», роман-тетралогия Т. Манна «Иосиф и его братья» и его новелла «Закон» и т. д.). Особенно плодотворным для литературы XX в. оказался жанр символической притчи, или притчи-параболы, и прежде всего для литературного экзистенциализма (новеллы и романы Ф. Кафки, Ж. П. Сартра, А. Камю, А. Мердок, У. Голдинга и др.). К жанру притчи обратился в своем творчестве выдающийся белорусский писатель XX в. В. Быков. Особенно очевидно это в его повести «Сотников», несущей в себе аллюзии одновременно на притчу о Каине и Авеле и на евангельскую историю¹. Жанр притчи, и именно под прямым влиянием Библии, продолжает жить и обновляться в литературе постмодернизма (романы Р. Гари, М. Турнье, Ж.-М. Г. Леклезю, Дж. Барнса и др.), а также в самой современной литературе XXI в. (романы израильского прозаика М. Шалева, французского писателя Э.-Э. Шмитта и др.), демонстрируя свои воистину неисчерпаемые возможности.

¹ См. подробнее: Лявонова, Е. А. *Беларускае іастантва слова XX ст. У еўрапейскім літаратурным кантэксце: тыпалогія, рэцэнцыя, пераклад* / Е. А. Лявонова. Мінск: БДУ, 2014.